

Знак четырех

ГЛАВА I
НАУКА ДЕДУКЦИИ

Шерлок Холмс взял с каминной полки пузырек, открыл изящный сафьяновый несессер и достал из него шприц для подкожных инъекций. Длинными, нервными и очень белыми пальцами насадил на шприц тонкую иглу и закатал левый рукав. Помедлив, задумчиво всмотрелся в свою мускулистую руку, до самого запястья испещренную бессчетными следами прежних уколов. Потом вонзил острие, вдавил до упора крохотный поршень и со вздохом глубокого удовлетворения откинулся на спинку кресла, обитого бархатом.

Трижды в день на протяжении многих месяцев я был свидетелем этой процедуры, но так и не смог с ней свыкнуться. Напротив, день ото дня это зрелище раздражало меня все больше, а по ночам я терзался угрызениями совести из-за того, что мне не хватало духу протестовать. Снова и снова я давал себе клятву выложить все, что у меня накипело на душе, однако холодный и бесстрастный вид моего компаньона не позволял даже и помыслить, будто в обращении с ним допустима хотя бы малейшая вольность. Я по опыту знал, сколь выдающимися способностями он наделен и каким властным характером обладает, а потому робел и терялся, не решаясь ему перечить.

Однако на этот раз — то ли благодаря выпитому за ланчем бургундскому, то ли в приливе особого раздражения, вызванного крайней невозмутимостью Холмса, я вдруг почувствовал, что терпению моему настал конец.

— Что сегодня, — спросил я, — морфий или кокаин?

Холмс неспешно отвел глаза от раскрытой им старопечатной книги с готическим шрифтом:

— Кокаин. Семипроцентный. Хотите попробовать?

— Ни в коем случае! — резко ответил я. — Я еще не вполне окреп после афганской кампании. И не могу подвергать свой организм излишней нагрузке.

Видя мое возмущение, Холмс усмехнулся:

— Вероятно, Ватсон, вы правы. Допускаю, здоровью это на пользу не идет. Тем не менее я обнаружил: инъекции настолько мощно подстегивают и проясняют умственную деятельность, что побочное их воздействие совершенно несущественно.

— Но подумайте, Холмс, — с горячностью продолжал я, — какой ценой вы за это расплачиваетесь! Может быть, возбужденный мозг и начинает усиленно работать, но процесс этот ненормален и пагубен: он ведет к перерождению нервных тканей — и в итоге к непоправимому слабоумию. Вам ведь известно, какая плачевная реакция потом наступает. Право же, игра не стоит свеч. Годится ли ради минутного удовольствия рисковать утратой мощного ума, которым вы одарены? Помните, что я говорю с вами не только как приятель, но и как медик: я в некоторой мере отвечаю за состояние своего подопечного.

Обиды Холмс не выказал. Наоборот, сложил пальцы домиком и оперся локтями о ручки кресла, как заинтересованный собеседник.

— Мой ум, — произнес он, — бунтует против застоя. Дайте мне задачу, дайте работу, самую головоломную тайнопись, самый запутанный случай — и я буду чувствовать себя как рыба в воде. Тогда и смогу обходиться без искусственных стимуляторов. Но мне невыносима скука рутинного существования. Я жажду умственного подъема. Вот почему я избрал для себя именно такую профессию — или, вернее, создал ее, поскольку в мире я единственный.

— Единственный частный детектив? — поинтересовался я, вскинув брови.

— Единственный частный детектив-консультант, — ответил Холмс. — Я последний и высший апелляционный суд в области расследований. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс заходят в тупик — а это, между прочим, их нормальное состояние, — дело предлагают рассмотреть мне. Я изучаю данные как эксперт и выношу суждение специалиста. В подобных случаях я не притязую на славу. Мое имя не упоминается ни в одной газете. Сама работа и удовольствие оттого, что нашлось поле для применения моих способностей, — вот главная моя награда. Но вы уже немного знакомы с моими методами работы по делу Джефферсона Хоупа.

— В самом деле, — подхватил я с воодушевлением. — Я был поражен, как никогда в жизни, и даже описал все это в небольшой брошюре под несколько причудливым названием «Этюд в багровых тонах».

Холмс грустно покачал головой:

— Я просмотрел эту брошюру. Откровенно говоря, не могу вас с ней поздравить. Детективное расследование представляет собой — или должно представлять — точную науку, и описывать его нужно холодно и без эмоций. Вы попытались внести в по-

вестование романтические краски, а это все равно как если бы вы вставили в пятую теорему Евклида историю с любовными страстями и тайными побегами.

— Однако романтическая история там была, — возразил я. — Я не мог вольно обращаться с фактами.

— О некоторых фактах следует умолчать — или, по крайней мере, излагая их, соблюдать разумное чувство меры. В этом деле только одно заслуживало упоминания — занятное аналитическое рассуждение, идущее от последствий к причинам, благодаря которому мне и удалось разрешить загадку.

У меня вызвала досаду критика книги, которую я для того и написал, чтобы сделать приятное Холмсу. Признаюсь также, что меня раздражало его эгоистическое требование посвящать каждую строку моего сочинения исключительно его особому методу. За годы, проведенные на Бейкер-стрит, я не раз замечал, что под хладнокровной наставительной манерой моего компаньона таилась толика тщеславия. Впрочем, я ничего не ответил и продолжал, сидя на месте, поглаживать свою раненую ногу. Некогда ее пробила пуля из джезайла, и, хотя былая рана не мешала прогулкам, при каждой перемене погоды она начинала ныть.

— Недавно моя практика распространилась и на Континент, — сказал Холмс спустя некоторое время, набивая свою старую вересковую трубку. — На прошлой неделе у меня консультировался Франсуа ле Вийяр, который, как вам, вероятно, известно, с недавних пор выдвинулся в первые ряды французской детективной службы. Он обладает свойственной кельтам мгновенной интуицией, но ему недостает точных

знаний, а без этого вершин искусства не достичь. Дело касалось завещания — и в определенном смысле представляло интерес. Я обратил его внимание на два сходных случая — в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году в Риге и в тысяча восемьсот семьдесят первом в Сент-Луисе. Это подсказало ему верное решение. Сегодня утром я получил письмо, в котором он выражает благодарность за содействие.

С этими словами Холмс перебрал мне смятый листок бумаги иностранного производства. Я пробежал его взглядом: избыточные выражения восторга были пересыпаны такими словами, как *magnifiques*¹, *coup-de-maitres*² и *tour-de-force*³, — свидетельство пламенной благодарности француза.

— Он обращается, словно ученик к своему наставнику, — заметил я.

— Да, он переоценивает мою помощь, — небрежно бросил Холмс. — Ле Вийяр сам наделен незаурядными способностями. И обладает двумя из трех качеств, необходимых для идеального сыщика. Он умеет наблюдать и владеет искусством дедукции. Ему не хватает знаний, но время это поправит. Сейчас он переводит мои скромные труды на французский.

— Ваши труды?

— А разве вы не знали? — с усмешкой спросил Холмс. — Да, я, грешным делом, написал несколько монографий. Все они касаются узких вопросов. Вот, к примеру, одна под названием «О различиях пепла от разных сортов табака». В ней я перечисляю сто сорок сортов пепла от сигар, папирос и трубок с при-

¹ Великолепные (фр.).

² Мастерские достижения (фр.).

³ Подвиги (фр.).

ложением цветных иллюстраций. Эта тема постоянно всплывает в криминальных расследованиях и порой имеет чрезвычайную важность как ключ к разгадке. Если вы, к примеру, способны с уверенностью заявить, что некое убийство совершено человеком, который курил индийский *лунках*, это явным образом сужает область вашего поиска. Для опытного взгляда между черным пеплом трихинопольского табака и белым пушком «птичьего глаза» разница такая же, как между картофелем и капустой.

— У вас удивительный дар подмечать мельчайшие детали, — вставил я.

— Я придаю им важность. Вот моя монография об изучении следов, с заметками о снятии отпечатков при помощи гипса. А вот еще: небольшое занятное исследование о том, как профессия человека влияет на форму его руки, с приложением линотипических иллюстраций: рúки кровельщиков, матросов, пробочников, наборщиков, ткачей и гранильщиков бриллиантов. Для детектива, обладающего научным складом ума, этот вопрос представляет громадное практическое значение, особенно в делах, связанных с непознанными трупами, или для выяснения прошлого преступников. Но я утомил вас рассказом о своем хобби.

— Ничуть, — горячо возразил я. — Все это мне очень интересно, особенно с тех пор, как я имел возможность наблюдать практическое применение вашего метода. Но вы только что говорили о наблюдении и дедукции. Наверняка одно в какой-то степени предполагает и другое.

— Да нет, вряд ли, — ответил Холмс, привольно раскинувшись в кресле и выпуская из трубки густые голубые клубы. — К примеру, наблюдение показы-

вает, что нынешним утром вы посетили почту на Уигмор-стрит, а дедукция сообщает, что там вы отправили телеграмму.

— Верно! — воскликнул я. — Справедливо и то и другое. Но должен признаться, не понимаю, как вы об этом догадались. Сходить туда я решил неожиданно и никому об этом не говорил.

— Проще некуда, — отозвался Холмс, хмыкнув при виде моего удивления. — Все до нелепости ясно, и объяснение было бы излишним; впрочем, этот пример поможет провести границу между наблюдением и дедукцией. Наблюдение говорит, что на подошве ваших ботинок имеется красноватая глина. Как раз напротив почтовой конторы на Уигмор-стрит раскопали мостовую, выбросили наружу глину, и, если вы хотите попасть в контору, ее не миновать. Она имеет особый красноватый оттенок, который, насколько мне известно, по соседству нигде не встречается. Вот все, что касается наблюдения. Прочее — область дедукции.

— Но как с помощью дедукции вы узнали о телеграмме?

— Прежде всего, я знал, что писем вы не писали, поскольку все утро просидел напротив вас. Заметил также в открытом ящике вашего письменного стола несколько марок и пачку открыток. Стало быть, для чего вам отправляться на почту, как не для того, чтобы послать телеграмму? Устраните все прочие факторы, и то, что остается, должно быть истиной.

— В данном случае это действительно так, — ответил я, немного подумав. — Вы правы, дело более чем очевидно. Не сочтете ли вы меня назойливым, если я подвергну ваши теории более серьезному испытанию?

— Напротив, — ответил Холмс, — ваше предложение избавит меня от повторной дозы кокаина. Я с удовольствием рассмотрю любую задачу, которую вы мне предложите.

— Вы как-то заметили: редко бывает так, чтобы человек, который ежедневно пользуется каким-то предметом, не оставил на нем отпечаток своей личности — отпечаток настолько явный, что опытный наблюдатель сумеет извлечь из него выводы. Вот часы, которые недавно перешли в мою собственность. Не будете ли вы так добры высказать свое мнение о характере и привычках их прошлого обладателя?

Я передал Холмсу часы, внутренне посмеиваясь, поскольку мне казалось, что это испытание обречено на провал; я надеялся также проучить своего компаньона за назидательный тон, который он иногда себе позволял. Холмс взвесил часы на руке, пристально взгляделся в циферблат, открыл заднюю крышку, исследовал механизм сначала простым глазом, а затем с помощью сильной лупы. Я с трудом сдерживал улыбку, глядя на его удрученное лицо, когда он в конце концов захлопнул заднюю крышку часов и вернул их мне.

— Извлечь отсюда можно немного. Часы недавно побывали у мастера в чистке, так что самых существенных деталей я лишен.

— Вы правы, — ответил я. — Прежде чем часы прислали мне, они побывали в чистке.

Втайне я обвинил Холмса в том, что он выставил самое неуклюжее и беспомощное оправдание своего провала. Что могли бы подсказать ему часы, не побывавшие в чистке?

— При всей скудости мои наблюдения все же оказались не совсем бесплодными, — заметил Холмс,

глядя в потолок задумчиво-тусклыми глазами. — Поправьте меня, если я ошибаюсь, но я полагаю, что часы принадлежали вашему старшему брату, который унаследовал их от вашего отца.

— Вы, вне сомнения, определили это по инициалам «Г. В.» на задней крышке.

— Совершенно верно. Буква «В» обозначает вашу фамилию. Часам около полувека, инициалы выгравированы примерно тогда же — то есть заказчик принадлежал к поколению наших отцов. Драгоценности обычно переходят к старшему сыну, и, по всей вероятности, он носит то же имя, что и отец. Ваш отец, если я правильно помню, давно умер. Следовательно, часы перешли к вашему старшему брату.

— Да, пока все так, — подтвердил я. — Что-нибудь еще?

— Ваш брат был неряшлив, распушен и легкомыслен. Перспективы перед ним открывались неплохие, однако он упустил все шансы, жил в бедности, хотя изредка и преуспевал, наконец пристрастился к спиртному и умер. Вот все, что я мог выяснить.

Я вскочил с кресла и, прихрамывая, прошелся по комнате в крайнем расстройстве.

— Это недостойно вас, Холмс! Не могу поверить, что вы опустились до такого. Вы навели справки об истории моего несчастного брата и притворились, будто добыли эти сведения столь фантастическим образом. Я что, должен поверить, будто вы узнали обо всем этом, взглянув на его старые часы? Это жестоко с вашей стороны и, говоря откровенно, отдает шарлатанством.

— Дорогой доктор, — мягко отозвался Холмс, — прошу вас, примите мои извинения. Я рассматривал задачу абстрактно и совершенно забыл, как болез-

ненны для вас эти воспоминания. Поверьте, я даже не подозревал о существовании вашего брата, пока вы не вручили мне эти часы.

— Тогда, бога ради, как вы обо всем узнали? Ваш рассказ точен до малейшей подробности.

— Мне попросту повезло. Признаться, я всего лишь взвесил вероятности. И вовсе не ожидал столь точного попадания.

— Так, значит, это не догадки?

— Нет-нет, гаданием я не занимаюсь. Отвратительная привычка, она губит логические способности. Вам все это представляется странным только потому, что вы не следите за ходом моей мысли и не замечаете мелких фактов, которые могут служить основой для далекоидущих выводов. Я начал с того, что ваш брат отличался небрежностью. Если вы приглядитесь к нижней части корпуса часов, то увидите, что он не только помят в двух местах, но и весь в царапинах. Это случается, если хозяин имеет привычку носить в том же кармане другие твердые предметы, вроде монет и ключей. Не требуется особой проницательности, чтобы предположить, что человеку, который столь небрежно обращается с часами стоимостью в пятьдесят гиней, наверняка свойственна беспечность. Не слишком натянутым будет и предположение, что человек, который унаследовал столь ценную вещь, имеет достаточно средств для жизни.

Я кивнул в знак того, что следую за ходом рассуждений Холмса.

— Среди владельцев ломбардов в Англии распространена такая привычка: если они берут часы в заклад, то острием иглы царапают номер билета на внутренней стороне крышки. Это удобней, чем наклейка, поскольку нет риска, что номер потеряется. С помощью лупы я увидел на внутренней стороне не

менее четырех таких номеров. Вывод: ваш брат час-тенко бывал на мели. Следующий вывод: он знал и благополучные времена, а иначе не мог бы выкупать заклад. Наконец, прошу вас взглянуть на внутреннюю крышку, где имеется отверстие для завода. Приглядитесь ко множеству царапин вокруг этого отверстия: они означают, что ключ соскальзывал. Мог ли трезвый человек проделать такие борозды? А вот у пьяницы часы всегда исцарапаны. Он заводит часы по вечерам и оставляет эти следы неверной рукой. Ну как, есть ли во всем этом что-нибудь таинственное?

— Все это ясно как белый день, — ответил я. — Сожалею, что несправедливо о вас судил. Мне нужно больше доверять вашим удивительным способностям. Скажите, а заняты ли вы сейчас каким-либо профессиональным расследованием?

— Не занят никаким. Отсюда и кокаин. Я не могу жить без умственной работы. Для чего же еще жить? Встаньте у окна. Что за нудный, унылый, бесполезный мир! Взгляните — желтый туман клубится по улице и окутывает бурые дома. Нет ничего более безнадежно прозаического и материального. К чему таланты, доктор, если негде их применить? Преступление банально, существование банально, и нет на свете ничего, кроме банальностей.

Я открыл рот, чтобы возразить на эту тираду, но тут раздался отрывистый стук в дверь. Вошла наша квартирная хозяйка с медным подносом, на котором лежала визитная карточка.

— Вас желает видеть молодая леди, сэр, — обратилась она к моему компаньону.

— Мисс Мэри Морстен, — прочитал Холмс. — Хм! Не припомню такого имени. Попросите юную леди войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я бы предпочел, чтобы вы остались.

ГЛАВА II

ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА

Мисс Морстен вошла в комнату уверенной походкой, сохраняя внешнее спокойствие. Это была светловолосая девушка небольшого роста, изящная, в безупречных перчатках, одетая с изысканным вкусом. Впрочем, ее костюм отличался простотой и скромностью, наводившими на мысль об ограниченных средствах. На ней было серовато-бежевое платье из простой шерсти, лишенное всякой отделки; шляпку без полей такого же тусклого оттенка, что и платье, оживляло только крохотное белое перышко, приделанное сбоку. Черты ее были не слишком правильными, кожа — не самой гладкой, но лицо выражало доброту и приязнь, а большие голубые глаза казались на редкость одухотворенными и исполненными дружелюбия. Я повидал женщин многих национальностей на трех континентах, однако ни разу не встречал лица, которое столь явно свидетельствовало бы о тонкой и отзывчивой натуре. Я не мог не заметить, что, когда она села на стул, предложенный ей Шерлоком Холмсом, и губы и руки ее дрожали, что выдавало сильнейшее внутреннее волнение.

— Я пришла к вам, мистер Холмс, — начала она, — потому что однажды вы помогли моей нанимательнице, миссис Сесил Форрестер, разрешить одно домашнее затруднение. Она не может забыть вашу доброту и ваше искусство.

— Миссис Сесил Форрестер... — задумчиво протянул Холмс. — Кажется, я когда-то оказал ей не слишком значительную услугу. Дело, насколько мне помнится, было крайне простым.

— Она так не считает. Во всяком случае, мое дело простым вы не назовете. Трудно даже вообразить си-

туацию более странную и необъяснимую, чем та, в которой я очутилась.

Холмс потер руки, и глаза его заблестели. Он подался в своем кресле вперед, и его четкие ястребиные черты выразили предельную сосредоточенность.

— Излагайте, — предложил он властным, деловым тоном.

Я почувствовал неловкость и, сказав: «Уверен, вы меня извините», поднялся с кресла.

К моему удивлению, девушка протянула руку в перчатке со словами:

— Если ваш друг будет так добр задержаться, он сослужит мне неоценимую службу.

Я вернулся в кресло.

— Вкратце, — продолжала девушка, — факты таковы. Мой отец служил офицером в индийском полку и отослал меня на родину, когда я была еще ребенком. Мать умерла, и родственников в Англии у меня не было. Впрочем, меня поместили в хороший пансион в Эдинбурге, где я оставалась, пока мне не исполнилось семнадцать лет. В семьдесят восьмом году отец, тогда старший капитан полка, получил годовой отпуск и вернулся домой. Он телеграфировал из Лондона о благополучном прибытии и велел мне немедленно приехать, указав своим адресом отель «Лэнгем». Помню, слова его телеграммы дышали добротой и любовью. По прибытии в Лондон я направилась в «Лэнгем», и мне сообщили, что капитан Морстен числится их постояльцем, однако накануне вечером он ушел и до сих пор не вернулся. Я прождала весь день, не получив о нем никаких известий. Вечером по совету управляющего отелем я связалась с полицией, и наутро мы поместили объявление во всех газетах. Ответа мы не получили, и до нынешнего дня о моем несчастном отце ничего не известно. Он вернул-

ся домой с сердцем, полным надежд, чтобы обрести покой и отдых, а вместо этого...

Девушка поднесла руку к горлу, и ее фразу оборвало глухое рыдание.

— Дата? — спросил Холмс, открывая записную книжку.

— Мой отец исчез третьего декабря тысяча восемьсот семьдесят восьмого года, почти десять лет тому назад.

— Его багаж?

— Остался в отеле. Среди вещей не нашлось ничего, что дало бы подсказку, где искать отца: одежда, книги, да еще немало экзотических диковинок с Андаманских островов. Отец служил офицером в части, которая несла охрану тюрьмы.

— У него были друзья в городе?

— Нам известен только один. Майор Шолто, который служил в том же Тридцать четвертом Бомбейском пехотном полку. Майор некоторое время назад вышел в отставку и жил в Аппер-Норвуде. Конечно же, мы с ним связались, но он даже не знал, что его однополчанин был в Лондоне.

— Удивительный случай, — заметил Холмс.

— Я еще не дошла до самого удивительного. Лет шесть тому назад, а точнее, четвертого мая тысяча восемьсот семьдесят второго года в «Таймс» появилось объявление, где запрашивали адрес мисс Мэри Морстен и заявляли, что ответить — в ее интересах. Ни имени, ни адреса не прилагалось. В то время я только что поселилась в семействе миссис Сесил Форрестер в качестве гувернантки. По ее совету я поместила в газетной колонке для объявлений свой адрес. В тот же день мне пришла по почте небольшая картонная коробка, в которой я обнаружила очень крупную яркую жемчужину. Никакой записки не прилага-

лось. С тех пор каждый год именно в этот день неизменно появляется похожая коробка с такой же жемчужиной — и никакого указания на отправителя. Знайки сочли жемчужины редкими и весьма ценными. Вы можете убедиться, что они действительно очень красивы.

С этими словами мисс Морстен открыла плоскую коробочку и показала мне шесть чудеснейших жемчужин, каких прежде я в жизни не видел.

— Ваш рассказ чрезвычайно интересен, — произнес Шерлок Холмс. — С вами еще что-нибудь произошло?

— Да, не далее как сегодня, поэтому я и обратилась к вам. Утром я получила вот это письмо и прошу вас его прочитать.

— Благодарю вас, — сказал Холмс. — Передайте, пожалуйста, и конверт. Почтовый штемпель: Лондон, Юго-Запад, дата — седьмое сентября. Гм! Отпечаток большого пальца на уголке — вероятно, почтальона. Бумага высшего качества. Конверт — шесть пенсов за пачку. Отправитель разборчив в выборе канцелярских принадлежностей. Адрес отсутствует. «Будьте сегодня в семь часов вечера у третьей колонны слева возле театра „Лицеум“. Если вы мне не доверяете, приведите с собой двух друзей. С вами обошлись несправедливо, это необходимо исправить. Полицию не привлекайте. Если позовете, все пойдет прахом. Ваш неизвестный друг». Что ж, действительно превосходная загадка. Как вы намерены поступить, мисс Морстен?

— Именно этот вопрос я и хотела вам задать.

— Тогда мы непременно отправимся вместе. Мы с вами — и да, конечно же, доктор Ватсон. Он именно тот человек, который нам нужен. Ваш корреспондент упоминает двух друзей. Мы с доктором Ватсоном сотрудничали и раньше.

— А доктор Ватсон согласен пойти? — спросила мисс Морстен с умоляющим видом.

— Буду горд и счастлив, — горячо заверил я, — если смогу быть хоть чем-то полезен.

— Вы оба очень добры, — отозвалась мисс Морстен. — Я вела уединенную жизнь, и у меня нет друзей, к которым я могла бы обратиться. Если я приду в шесть, это будет вовремя?

— Ни в коем случае не опаздывайте, — предупредил Холмс. — Впрочем, вот еще что. Почерк на конверте тот же самый, что и на посылках с жемчужинами?

— У меня с собой образцы, — ответила мисс Морстен, протягивая шесть бумажных листков.

— Вы, несомненно, образцовый клиент. У вас верная интуиция. Давайте-ка посмотрим. — Холмс разложил листки на столе и стал внимательно их сравнивать. — Почерк изменен, за исключением письма, однако автор, вне всякого сомнения, один и тот же. Взгляните, как тут и там пробивается греческое «е», и обратите внимание на завиток-хвостик в букве «ц». Эти буквы, бесспорно, выведены одной и той же рукой. Не хочу внушать вам напрасные надежды, мисс Морстен, но есть ли хоть какое-нибудь сходство между этим почерком и почерком вашего отца?

— Ни малейшего.

— Я так и думал. Итак, мы ждем вас к шести. Позвольте мне оставить эти бумаги у себя. Я над ними еще подумаю. Сейчас только половина четвертого. Тогда *au revoir!*¹

— *Au revoir!* — повторила наша гостя.

Она окинула нас ясным, приятным взглядом, спрятала на груди коробочку с жемчужинами и поспешила уйти. Стоя у окна, я наблюдал, как она быстро

¹ До свидания! (фр.)

идет по улице, пока ее скромная шляпка с белым перышком не затерялась в серой толпе.

— Какая привлекательная женщина! — воскликнул я, оборачиваясь к своему компаньону.

Холмс снова разжег трубку и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза.

— Привлекательная? — вяло отозвался он. — Я что-то не заметил.

— Да вы и вправду автомат, вычислительная машина! — бросил я. — Временами в вас появляется что-то совершенно нечеловеческое.

Холмс мягко улыбнулся:

— Чрезвычайно важно, чтобы ничьи личные качества не влияли на ваши суждения. Клиент для меня — это простая единица, один из факторов задачи. Эмоции враждебны ясности рассудка. Уверяю вас, самая очаровательная женщина из всех, кого я знал, была повешена за то, что отравила трех маленьких детей ради страховки, а самый отталкивающий тип из числа моих знакомых — филантроп, который потратил чуть ли не четверть миллиона на лондонских бедняков.

— Но в этом случае...

— Исключений я не делаю. Исключения опровергают правила. Вам случалось когда-нибудь изучать характер по почерку? О чем вам говорит эта беглая надпись?

— Почерк разборчивый и правильный, — ответил я. — Писал человек деловой и твердый характером.

Холмс покачал головой:

— Посмотрите на эти буквы «е». Петелька на них такая крохотная, что их можно принять за часть буквы «и». У человека с твердым характером всегда видна разница между «е» и «и», даже если он пишет очень неразборчиво. Буква «т» везде разная, а заглав-

ные буквы указывают на чувство собственного достоинства. Я сейчас уйду. Мне нужно навести кое-какие справки. Позвольте вам порекомендовать эту книгу, весьма и весьма замечательную. Это «Мученичество человека» Уинвуда Рида. Вернусь через час.

Я сидел у окна с книгой в руке, но мысли мои блуждали вдалеке от смелых выкладок автора. В мыслях я возвращался к нашей недавней гостье, вспоминал ее улыбку, глубокий грудной голос, странную тайну, что вторглась в ее жизнь. Если ей было семнадцать, когда исчез ее отец, сейчас ей должно быть двадцать семь: прекрасный возраст, когда юность растеряла свою самоуверенность и приобретенный опыт слегка ее отрезвил. Так я сидел и размышлял, пока в голову мне не полезли такие опасные мысли, что я поспешил к письменному столу и всецело погрузился в свежий трактат о патологии. Как может армейский хирург с убогим здоровьем и еще более убогим банковским счетом даже помышлять о таких вещах? Мисс Морстен — всего лишь простая единица, один из факторов, и ничего больше. Если мое будущее беспросветно, то уж лучше встретить его, как подобает мужчине, а не пытаться разогнать мрак блуждающими огоньками фантазии.

ГЛАВА III

В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ

Холмс вернулся в половине шестого. Он был бодр, энергичен и в превосходном расположении духа: такое настроение обычно наступало у него после приступов мрачайшей депрессии.

— Ничего особо загадочного в этой истории нет, — сказал он, взявшись за чашку чая, которую я для него

налил. — Факты, по-видимому, допускают только одно объяснение.

— Что? Вы уже нашли разгадку?

— Ну, не то чтобы, однако я обнаружил один многообещающий факт, вот и все. Но уж очень многообещающий. Ему еще предстоит обрасти подробностями. Я только что пролистал подшивку «Таймс» и выяснил, что майор Шолто из Аппер-Норвуда, служивший в Тридцать четвертом Бомбейском пехотном полку, скончался двадцать восьмого апреля тысяча восемьсот восемьдесят второго года.

— Холмс, возможно, я туповат, но не понимаю, что же этот факт обещает.

— Разве? Вы меня удивляете. Тогда задумайтесь вот над чем. Капитан Морстен исчезает. Единственный человек в Лондоне, которого он мог навестить, — это майор Шолто. Майор Шолто отрицает, что слышал о прибытии капитана Морстена в Лондон. Спустя четыре года Шолто умирает. *Через неделю после его смерти* дочь капитана Морстена получает ценный подарок, который повторяется из года в год, а сейчас приходит письмо, где она именуется несправедливо обиженной. О какой несправедливости может идти речь, как не о том, что она лишилась отца? И почему подарки начали поступать сразу после смерти Шолто? Не значит ли это, что наследнику Шолто известна некая тайна — и он желает как-то возместить ущерб? У вас есть теория, более отвечающая фактам?

— Но что за странный способ вознаграждения? И как странно он обставлен! К тому же почему наследнику Шолто вздумалось написать письмо именно сейчас, а не шесть лет назад? Опять-таки, в письме говорится, что с девушкой нужно поступить по справедливости. Что за справедливость? Вряд ли стоит

предполагать, что ее отец все еще жив. Но какой еще вред могли ей причинить, вам неизвестно.

— Да, трудности имеются, это несомненно, — задумчиво произнес Шерлок Холмс. — Наша сегодняшняя экспедиция полностью их разрешит. А вот и кэб, мисс Морстен уже здесь. Вы готовы? Спускаемся вниз, пошел седьмой час.

Я надел шляпу, взял самую увесистую трость и заметил, что Холмс вынул из ящика письменного стола револьвер и сунул его себе в карман. Ясно было, что нашу вечернюю прогулку он считает весьма серьезным делом.

Мисс Морстен была закутана в темный плащ, ее бледное лицо выражало спокойствие, но она не была бы женщиной, если бы не волновалась перед нашим странным предприятием. Впрочем, она полностью владела собой и с готовностью отвечала на новые вопросы Шерлока Холмса.

— Майор Шолто был очень близким другом моего папы. В письмах отец постоянно его упоминал. Они с отцом состояли в войсковой команде на Андаманских островах, поэтому много времени проводили вместе. Между прочим, в письменном столе отца нашли любопытный документ, никому не понятный. Не думаю, что эта бумага имеет хоть какую-то важность, но я подумала, что вам захочется на нее взглянуть, и взяла этот листок с собой. Вот он.

Холмс осторожно развернул листок и разглядел его на коленях. Затем самым тщательным образом изучил листок с помощью двухлинзовой лупы.

— Бумага произведена в Индии, — проговорил он. — Когда-то листок был приколот к доске. Похоже на план части обширного здания с многочисленными залами, коридорами и переходами. Есть небольшой крестик, нанесенный красными чернилами, а над ним

надпись «3.37 с левой стороны» выцветшим карандашом. В левом углу — странный иероглиф, похожий на четыре расположенных в линию креста, перекладины которых соприкасаются. Сбоку выведено очень корявыми и неуклюжими буквами: «Знак четырех — Джонатан Смолл, Мохаммед Сингх, Абдулла Хан, Дост Акбар». Да, признаюсь, не понимаю, какое все это имеет к делу отношение. Однако ясно, что документ важный. Его бережно хранили в записной книжке, поскольку обе стороны совершенно чистые.

— Да, мы нашли эту бумагу в записной книжке отца.

— Что ж, берегите этот документ, мисс Морстен, он может оказаться для нас очень полезным. Подозреваю, что это дело гораздо сложнее и запутаннее, чем я поначалу предполагал. Я должен пересмотреть свои соображения.

Холмс откинулся на спинку сиденья, и, судя по его нахмуренным бровям и отсутствующему взгляду, предался напряженным раздумьям. Мы с мисс Морстен шепотом переговаривались о нашей экспедиции и о ее возможном исходе. Но Холмс сохранял непроницаемый вид до самого конца поездки.

Стоял сентябрьский вечер: семи часов еще не пробило, но день выдался хмурый, и над огромным городом навис плотный, сочащийся влагой туман. Грязные тучи мрачно нависали над грязными улицами. На Стрэнде фонари — туманные пятна рассеянного света — отбрасывали слабый круговой отблеск на скользкую мостовую. Витрины магазинов лили желтое свечение на густой от сырости воздух и заполненную толпой улицу. Мне чудилось что-то зловещее и призрачное в бесконечном потоке лиц, мелькавших в этих узких желтых полосах, — лиц печальных и радостных, изнуренных и веселых. Как и весь челове-

ский род, они переносились из мрака в свет и вновь во тьму. Я не слишком впечатлителен, но этот тягостный унылый вечер и странное задание, за которое мы взялись, тревожили и угнетали меня. Глядя на мисс Морстен, я догадывался, что она переживает точно то же. Один только Холмс был совершенно невосприимчив к мелким помехам из внешнего мира. Он держал на колене открытый блокнот и время от времени при свете карманного фонарика заносил туда какие-то цифры и пометки.

У бокового входа в театр «Лицеум» уже собралось много народу. Перед фасадом грохотал непрерывный поток карет и хэнсомов, освобождавшихся от груза: мужчин в накрахмаленных рубашках и женщин в шляхах и бриллиантах. Не успели мы достичь третьей колонны, где было назначено наше свидание, как к нам обратился невысокий, смуглый и бойкий человек в одежде кучера.

— Вы сопровождаете мисс Морстен? — спросил он.

— Я мисс Морстен, а эти два джентльмена мои друзья, — ответила она.

Он устремил на нас вопросительный и насквозь пронизывающий взгляд.

— Простите, мисс, — произнес он настойчивым тоном, — но я вынужден взять с вас клятву, что никто из ваших спутников не служит в полиции.

— Ручаюсь вам в этом, — подтвердила мисс Морстен.

Незнакомец пронзительно свистнул. Уличный мальчишка подвел к нам кэб и отворил дверцу. Встретивший нас человек забрался на место кучера, а мы заняли места внутри. Не успели мы там устроиться, как возчик хлестнул лошадь и мы с бешеной скоростью понеслись по туманным улицам.

Ситуация была странная. Мы направлялись неизвестно куда, неизвестно зачем. Либо это приглашение было от начала до конца розыгрышем, что совершенно исключалось, — либо имелись все основания полагать, что наше путешествие сулит какие-то важные открытия. Мисс Морстен, как всегда, держалась собранно и решительно. Я пытался подбодрить и развлечь ее воспоминаниями о своих приключениях в Афганистане, но, по правде говоря, был так взволнован и меня разбирало такое любопытство насчет цели нашего путешествия, что мои рассказы были не слишком связными. И по сей день мисс Морстен утверждает, будто я поведал ей волнующую историю о том, как среди ночи в мою палатку сунулся мушкет и я выстрелил в него из двустольного тигренка. На первых порах я еще представлял, в какую сторону мы движемся, но из-за скорости и тумана (к тому же Лондон мне был знаком плохо) потерял ориентацию. Я уже ничего не понимал, кроме того, что путь нам предстоял, по всей видимости, далекий. Впрочем, Шерлока Холмса было не так просто сбить с толку: пока кэб с грохотом проносился по площадям, нырял и выныривал по извилистым переулкам, мой друг бормотал:

— Рочестер-Роу, а вот и Винсент-Сквер, сейчас выезжаем на Воксхолл-Бридж-роуд. Похоже, направляемся в саррейскую сторону — да, я так и думал. Сейчас мы на мосту — видно, как блестит река.

В самом деле, мы мельком увидели полоску Темзы, где фонари отражались на широкой глади, но наш кэб мчался дальше и вскоре углубился в лабиринт улиц на другом берегу.

— Вордсворт-роуд, — продолжал мой компаньон, — Прайори-роуд, Ларкхолл-лейн, Стокуэлл-

Плейс, Роберт-стрит, Колдхарбор-лейн. Кажется, мы попадем не в самые фешенебельные районы.

Действительно, мы достигли сомнительной и мрачной местности. Длинные ряды унылых кирпичных домов оживляли только резкий свет и мишурное сияние пивных на углах. Дальше следовала череда двухэтажных вилл с миниатюрными палисадниками, а затем опять нескончаемые ряды новых кирпичных строений — чудовищных щупалец, которые гигантский город запускает в сельскую местность. Наконец кэб подъехал к третьему дому в очередном ряду. Все эти дома пустовали; тот, у которого мы остановились, так же окутывала темнота, как и соседние, и только один-единственный огонек мерцал в кухонном окне. На наш стук, однако, дверь немедленно распахнулась, и перед нами предстал слуга-индеец в желтом тюрбане и белой свободной одежде с желтым поясом. Эта восточная фигура выглядела до странности неуместной в обычном дверном проеме третьеразрядного загородного жилого дома.

— Сахиб ожидает вас, — произнес он, и при этих словах откуда-то из внутренних помещений донесся резкий писклявый голос:

— Веди их ко мне, хидмутгар, — веди их прямо ко мне!

ГЛАВА IV

РАССКАЗ ЛЫСОГО ЧЕЛОВЕЧКА

Мы последовали за индийцем по слабо освещенному мрачному коридору, почти без мебели. У одной из дверей по правую руку наш проводник остановился и распахнул ее. Нас залил поток желтого све-

та, в центре которого стоял человек с очень большой вытянутой головой. Ее обрамляла рыжая щетина, и голая сверкающая макушка выглядывала из нее, подобно горной вершине из окружения елей. Он стоял, сплетая пальцы; лицо, то улыбочливое, то хмурое, непрерывно дергалось, ни на секунду не оставаясь в покое. Природа наделила его отвисшей губой, чересчур обнажавшей ряд желтоватых неправильных зубов, которые он тщетно пытался скрыть, постоянно проводя ладонью по нижней части лица. Несмотря на слишком заметную лысину, он производил впечатление молодого человека: как оказалось, ему шел всего лишь тридцатый год.

— К вашим услугам, мисс Морстен, — повторял он тонким высоким голосом, — к вашим услугам, джентльмены. Прошу, войдите в мое скромное обиталище. Мой кабинет невелик, мисс, зато устроен по моему вкусу. Оазис искусства в дикой пустыне Южного Лондона.

Мы были поражены видом комнаты, куда он нас пригласил. В этом жалком доме она выглядела столь же неуместной, как чистейшей воды бриллиант в оправе из меди. Стены украшали богатые гобелены и завесы из ярчайших тканей, а между ними там и сям виднелись картины в дорогих рамах и восточные вазы. Ковер в янтарных с черным тонах был таким толстым и мягким, что ноги приятно в нем утопали, словно во мху. Две брошенные поодаль громадные тигровые шкуры усиливали впечатление восточной роскоши — так же как и большой кальян, стоявший на подстилке в углу. В центре комнаты на почти невидимой золотой нити был подвешен серебряный голубь — лампа, наполнявшая воздух тонким нежным благоуханием.

— Мистер Таддеус Шолто, — произнес коротышка, по-прежнему подергиваясь и улыбаясь. — Так меня зовут. Вы, разумеется, мисс Морстен. А эти джентльмены...

— Это мистер Шерлок Холмс, а это доктор Ватсон.

— Вы доктор, ах, вот как! — взволновался хозяин. — У вас есть с собой стетоскоп? Могу я попросить вас о небольшом одолжении? Будьте так добры, выслушайте мой митральный клапан. Аортальный опасений не внушает, но мне бы хотелось узнать ваше мнение о митральном клапане.

Я выслушал его сердце, как он просил, однако не нашел никаких нарушений, если не считать того, что пациент был дико перепуган и трясся с головы до пят.

— Сердце у вас в норме, — сказал я, — вам не о чем беспокоиться.

— Простите мою тревогу, мисс Морстен, — бодро заметил он. — Я великий страдалец и давно не доверял этому клапану. Счастлив узнать, что подозрения оказались беспочвенными. Если бы ваш отец, мисс Морстен, не перетруждал свое сердце, он был бы жив и по сей день.

Я чуть не влепил ему пощечину, настолько разъярил он меня своим бездушным и бесцеремонным прикосновением к столь деликатной теме. Мисс Морстен опустилась на стул и побледнела так, что даже губы сделались белыми.

— Я сердцем чуяла, что мой отец умер, — выдохнула она.

— Я могу рассказать все, от и до, — продолжал хозяин, — и, что еще важнее, могу восстановить справедливость по отношению к вам; более того, я и намерен так поступить, что бы ни говорил мой брат

Бартоломью. Я очень рад видеть здесь ваших друзей — не только телохранителей, но и свидетелей того, что я собираюсь сказать и сделать. Мы втроем сможем смело выступить против Бартоломью. Но только давайте обойдемся без посторонних — без полиции, без чиновников. Мы сумеем все превосходно уладить между собой, без всякого вмешательства. Для Бартоломью огласка была бы досаднее всего.

Он сел на низкую кушетку и, щурясь, вопросительно взгляделся в нас близорукими и водянистыми голубыми глазами.

— Могу вас заверить, — заявил Холмс, — что все сказанное вами дальше меня не пойдет.

Я кивнул в знак согласия.

— Отлично, отлично! — воскликнул Шолто. — Могу я предложить вам бокал кьянти, мисс Морстен? Или токайского? Других вин я не держу. Открыть бутылку? Нет? Что ж, тогда, надеюсь, вы не станете возражать против табачного дыма, против мягкого бальзамического аромата восточного табака. Я немного взволнован, а ничто не успокаивает лучше кальяна.

Он приладил трубку к большому сосуду, и дым весело забулькал сквозь розовую воду. Мы сидели полукругом, склонив головы и опираясь подбородками на ладони, пока этот странный подергивающийся человечек с круглой сверкающей макушкой, сидя в центре, судорожно выпускал изо рта клубы дыма.

— Когда я решился обратиться к вам, — заговорил Шолто, — то мог бы дать свой адрес, но опасался, что вы пренебрежете моей просьбой и приведете с собой нежелательных лиц. Поэтому я взял на себя смелость назначить свидание так, чтобы сперва на вас поглядел Уильямс, мой слуга. Я полностью дове-

ряю его благоразумию и дал приказ, если что-то ему не понравится, тут же все отменить. Прошу прощения за эти предосторожности, но я человек необщительный и, не побоюсь этого слова, утонченный, а на свете нет ничего более неэстетичного, чем полицейский. У меня врожденная неприязнь ко всем формам грубого материализма, я редко общаюсь с грубой толпой. Живу, как видите, в атмосфере элегантности. Могу назвать себя покровителем искусств. Это моя слабость. Вот этот пейзаж на стене — подлинный Коро, и хотя знаток, не исключено, усомнится в подлинности полотна Сальватора Розы, но относительно этой картины Бугро двух мнений быть не может. Я равнодушен к современной французской школе.

— Простите меня, мистер Шолто, — заговорила мисс Морстен, — но я приехала сюда по вашей просьбе — выслушать то, что вы желаете сообщить. Уже очень поздно, и мне бы хотелось, чтобы наш разговор был как можно короче.

— Так или иначе, какое-то время он займет, — ответил Шолто. — Мы непременно должны отправиться в Норвуд для встречи с братом Бартоломью. Мы поедем все вместе и попытаемся взять над ним верх. Он очень сердит на меня за то, что я повел дело так, как считаю правильным. Вчера вечером мы с ним изрядно повздорили. Вы не представляете, каким ужасным человеком он бывает, когда злится.

— Но если нам нужно отправиться в Норвуд, то лучше, наверное, поторопиться, — вставил я.

Шолто так зашелся смехом, что у него даже покраснели уши.

— Вряд ли это получится. Даже не знаю, что он скажет, если я приведу вас так неожиданно. Нет, я должен вас подготовить — пояснить, какие у нас

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ

Перевод С. Сухарева

Глава I. Наука дедукции	7
Глава II. Изложение дела	18
Глава III. В поисках решения	24
Глава IV. Рассказ лысого человечка	30
Глава V. Трагедия в Пондишерри-Лодж	43
Глава VI. Шерлок Холмс демонстрирует свой метод ...	52
Глава VII. Эпизод с бочкой	63
Глава VIII. Ополчение с Бейкер-стрит	77
Глава IX. Разрыв цепи	89
Глава X. Конец островитянина	102
Глава XI. Сокровища Агры	113
Глава XII. Удивительная история Джонатана Смолла	121

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Перевод Л. Бриловой

Глава I. Мистер Шерлок Холмс	157
Глава II. Проклятие Баскервильей	165
Глава III. Загадка	177
Глава IV. Сэр Генри Баскервиль	188
Глава V. Три оборванные нити	202
Глава VI. Баскервиль-Холл	214
Глава VII. Стейплтоны из Меррипит-Хауса	226
Глава VIII. Первый отчет доктора Ватсона	242

Глава IX. [Второй отчет доктора Ватсона]	
Огонек на пустоши	251
Глава X. Выдержка из дневника доктора Ватсона	270
Глава XI. Человек на холме	282
Глава XII. Смерть на пустоши	297
Глава XIII. Сеть готовится	313
Глава XIV. Собака Баскервильей	325
Глава XV. Взгляд назад	338